

«Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?».

Матфей, v26.

В бесхитростном этом рассказе я изменил только имена, добавил незначительные детали из собственного детства, поскольку родился и вырос в тех же краях, да избавился от ненужной морали и чувственности, которой была переполнена горестная речь моего случайного, рыжего, как огонь, собеседника. «А как бы ты сам назвал свой рассказ?» – спросил я его. Рыжий коротко ответил: «Жиды».

* * *

Последний вечерний автобус сломался. Они часто ломались тут, на крутом подъёме, который начинался на дне гигантского, заросшего лесом оврага, сходявшего к Волге. Пассажиры выходили, вытаскивали мешки и сумки, привычно ворчали и незло ругали и автобус, и водителя. Это были в основном сельские жители, возвращавшиеся из райцентра и давно привыкшие к подобным происшествиям. Они привычно взваливали на себя поклажу и не спеша начинали подъём.

Среди них выделялась молодая красивая женщина. Стройная, зеленоглазая, с непослушными рыжими волосами и веснушками, она держала за руку мальчика, такого же рыжего, с весёлыми конопушками на лице. Оба были явно городского покроя. Они некоторое время растерянно стояли возле сломанного автобуса, надеясь на чудо, но чуда не случилось, и они, как и селяне, стали медленно подниматься в гору, нагруженные даже более местных, поскольку там, наверху в селе, проживало множество близких и дальних родственников, и поклажа женщины и мальчика на две трети состояла из подарков для многочисленной родни.

Изящные туфли на высоком каблуке, маленькая сумочка, падающая с плеча, хныкающий мальчик... – женщина скоро выбилась из сил и остановилась, не одолев и четверти оставшегося подъёма. Присев на чемодан, женщина поправила выбившиеся влажные волосы,

сняла туфли, пошевелила с наслаждением затёкшими пальцами и сказала:

– Эдик, прекрати хныкать! Лучше посмотри, какая красота!

А с высоты их вынужденного привала открывался чудесный вид. Прямо под уходящей вниз дорогой темнела Волга. Казалось, дорога брала начало в реке, выбираясь из её глубин плавными изгибами по склону оврага, и поднималась ввысь, уходя в вечернее небо, в молодые, бледные ещё звёзды.

Эдик прекратил хныкать и вместе с матерью смотрел в заволжскую даль на белёсые пятна тумана, на редкие далёких деревень, на тёмный силуэт баржи, застывшей на середине реки, на мигающие бакены, на догорающую зарю... Был тот редкий момент, когда не хотелось ничего, только сидеть вот так, не двигаясь и ни о чём не думая. Всё суетное – день вчерашний и день завтрашний, оставшаяся часть тяжёлого подъёма и уставшие ноги, тяжёлая ноша – всё отошло, уступив место тому, ради чего, наверное, только и стоило жить.

Неожиданно подоспела помощь. Снизу, из глубин оврага, откуда дорога поворачивала на подъём, показался свет фар. Грузовик, обогнув сломанный автобус, остановился около сидельцев.

– Загораем? – молодой парень выскочил из кабины.

– Нам до Зимёнок только... – засуетилась женщина, поспешно натягивая ставшие ненавистными туфли.

– Знаем! Знаем! А ну-ка! – парень взялся за чемодан и закинул его и ещё две дорожные сумки в кузов грузовика.

– По машинам! – весело скомандовал он, посадил Эдика, слегка помог женщине, посмотрел кругом и, сказав: – Своего не забыли, а чужого не оставили! – ловко запрыгнул в кабину. Грузовик взревел, рванул вверх и исчез, растворившись среди звёзд.

Уже засыпая, Федька услышал, как к соседнему дому подъехала машина. «Эдика привезли», – только и успел подумать он, услышав за окном аханье соседки бабы Зины, после чего запрыгнул на новенький сверкающий хромом велосипед, быстро закрутил педали и стремительно покатил среди облаков, с наслаждением разглядывая внизу сверкающую реку и золотые города по её берегам. Мимо не торопясь проплывали невиданные ажурные летательные аппараты; внутри прозрачных кабин сидели люди, они улыбались и махали Федьке.

Он вдруг увидел, что и он сидит в седле какого-то лёгкого аппарата с хрупкими стрекозиными крыльями, и они, полупрозрачные, трепетали от тёплого ветра и радужно переливались. Небольшие, размером с воробья, неземной красоты птицы сновали вокруг. Они подлетали прямо к лицу Федьки, осмысленно заглядывали ему в глаза и

переливчато чирикали, будто удивляясь его появлению здесь. Фёдка спал.

Свежее августовское утро разбудило Фёдку. Оно чирикало и прыгало по веткам за окном, врывалось солнечным светом и прохладной воздушной струёй шевелило тюлевую занавеску, смутно напоминая какие-то приятные ночные приключения. Укутавшись в одеяло, Фёдор ещё понежился, пытаясь удержать в памяти и золотые города, и лёгкие летательные машины, и удивлённый взгляд маленьких разумных птиц. Но сон уходил из памяти стремительно и безвозвратно, оставляя только чёрные бусины птичьих глаз. Фёдка окончательно проснулся, вылез из-под одеяла, надел рубашку, штаны-шаровары и, потягиваясь, прошлёпал на кухню.

На кухне никого не было; на стене тикали ходики, отрывной календарь напоминал, что сегодня суббота, девятое августа 1972 года. На столе поджидали литровая банка с парным молоком и свежий белый хлеб, накрытый чистым полотенцем. Отрезав ножом хрустящую горбушку и наполнив кружку, мальчик вышел во двор и, усевшись на сложенные у стены сарая доски, стал медленно пить и жевать, жмурясь от солнца.

Иногда он отламывал маленькие кусочки хлеба и бросал их на землю. Хлебные крошки немедленно привлекали внимание ходящих по двору кур. Они осторожно приближались, быстро клевали упавший хлеб и отбегали. Чуть поодаль прохаживался большой красный петух и громко выказывал недовольство поведением своего гарема. Он решительно не доверял мальчишкам. Тут же прыгали воробьи и своим чириканьем поддерживали петуха, так как не доверяли мальчишкам ещё больше. Но вкусные хлебные крошки были слишком желанным лакомством, и некоторые молодые и неопытные воробьи, презрев опасность, выхватывали хлеб прямо из-под клюва нерасторопной курицы.

Из огорода появилась бабушка. Она несла в руках пучок какой-то травы.

– Проснулся?

– Угу! – ответил Фёдка с набитым ртом.

– Мусор в овраг свезёшь? Обещал ведь!

– Угу! – отвечал Фёдка, продолжая жевать.

Бабушка разложила траву на верстаке, стала мелко-мелко рубить её и бросать курам, приговаривая «Цыпа, цыпа, цыпа!» Куры, услышав «цыпу», всей толпой во главе с петухом бросились к бабушке. Следом заспешили воробьи, тоже не считавшие бабушку чужой. На воробьёв, однако, женщина неожиданно замахала руками:

– Кыш! Кыш! Окаянные! Наплодилось вас! – и, обращаясь к внуку, пожаловалась:

– Хотела с утра вишен собрать, а поди ж ты! Каждая вторая поклёвана! Как саранча какая! – и бабушка погрозила тёмной морщинистой рукой в сторону вишнёвых деревьев, великое множество которых росло за огородом. Воробьиный табор ответил ей с вишнёвых веток наглым чириканьем.

– Ты бы хоть вертушку-трещотку какую-нибудь удумал. А то весь день только на лисапед и хмыщешь. Без варенья зимой останешься.

Федька любил вишнёвое варенье и поэтому, прожевав хлеб и допив молоко, по-взрослому пробасил:

– Разберёмся! Затем встал, стряхнул с колен крошки и направился за сарай.

– Про мусор-то не забудешь? – напомнила бабушка, забирая оставленную внуком кружку.

– Да помню я! – донёсся Федькин голос из-за сарая.

– Только мусора-то до фига здесь! Зараз не увезу. Может, отца на неделе попросить? – Федьке не хотелось возиться с мусором.

– А ты Эдика в помощники возьми! Сегодня ночью приехал. Как проснётся, ты попроси его. Вы вдвоём быстро управитесь! А я вам лимонаду да конфет куплю за это.

Федька любил бабушку и поработал бы и без конфет, но возражать не стал, а только уточнил:

– Шоколадных!

– Баба Зина, а Эдик приехал? – Федька постучал в дверь соседнего дома.

– Приехал, приехал твой дружок! Завтракает! На улице подожди его, а то я полы помыла, суббота нынче! – баба Зина обернулась в дверях и сказала громко в тёмный провал сеней:

– Эдик, к тебе Федя пришёл!

– Щас я! – послышалось откуда-то из глубины дома.

– Ночью приехали! – продолжала докладывать баба Зина, – автобус у них на горе сломался, пешком в гору топали. Хорошо, Санька Автаев из города на газике ехал, подобрал, дай бог ему здоровья! Уморились! А мать с первым автобусом назад в город уехала. Я ей говорю, хоть на выходные останься. Да куда там! Нам, говорит, диссертацию с мужем писать надо. Учёными хотят быть! И то правильно! У инженеров что за зарплата? Сто рублей! А то бы жили, как твои родители, да работали в совхозе. К старикам и к природе поближе. Да нас старых разве кто будет слушать?..

– Здрóво! – за спиной бабы Зины показался Эдик. Словоохотливая старушка замолчала, пропуская внука за порог.

– Здорóво, деревня! – повторил Эдик, прыгнув вниз через ступеньки.

– Привет! – Федька протянул руку. Эдик, однако, руку не пожал, а только шлёпнул по ней своей ладошкой.

– Баня сегодня вечером! Не забудь! – сказала баба Зина, закрывая дверь. Она прошла на кухню и из окна взглянула на внука. Эдик был совершенно не похож на бабушку. В их внешности не было ничего общего. «Да и откуда ему похожим-то быть?» – думалось бабе Зине. Она вздыхала и опять вспоминала ту страшную бомбёжку. Немцы бомбили маленький белорусский город и дорогу, выходящую из него и запруженную бегущими людьми, автомобилями, повозками, лошадьми.

Бомбилось легко. Вокруг расстилались поля, и не было ничего такого, где людям можно было бы укрыться от бомб и пуль. Молодая Зина, жена красного командира, военной судьбой занесённая к западной границе Советского Союза, чудом тогда уцелела, спрятавшись под уже подбитую машину. Под машиной она обнаружила совсем маленькую рыжую девочку лет двух. Девочка плакала и звала маму и что-то лепетала на языке, очень похожем на немецкий, который Зинаида учила в школе.

Среди уцелевших после бомбёжки родителей или родственников девочки не оказалось, и Зина, сама уже на третьем месяце беременности и движимая великим материнским инстинктом, уже не отпускала девочку от себя. «Закончится война, тогда и разберёмся» – думала Зинаида. Ей всё казалось, что Красная Армия вот-вот перейдёт в наступление, а то зачем бы всю Красную Армию собирать на границе. «Сейчас вот вдарят наши, и пойдёт Армия на запад, а девочка моя пусть со мной будет. А то куда ж её... пропадёт». Зинаида и сама не заметила, как сразу стала называть девочку своей. А девочка перестала говорить, замолчала надолго, видать от испуга.

Добравшись до родного волжского села, Зинаида с согласия мужа, тоже чудом выжившего в страшной мясорубке первых месяцев войны, назвала девочку Таней. А через несколько месяцев и сама родила сына. А как родила, так и заговорила её Таня, и на русском заговорила, а прошлую свою короткую жизнь словно бы и не помнила вовсе.

После войны попыталась Зина отыскать хоть какие-нибудь следы Таниного прошлого, да как их отыщешь! Ни имени настоящего, ни фамилии, а война по тем местам, где Таня родилась, кровавыми шестернями прошлась с запада на восток, а потом с востока на запад. Да, признаться, и не хотела Зинаида никаких родственников – так ей Таня полюбилась, что и не вспоминала никогда, что не родная она, биологически не родная, и давно бросила думать об этом Зинаида, а как бросила, так и совсем легко стало. Танечка – дочка моя, и всё тут.

Рыжая зеленоглазая Танечка радовала Зинаиду своим живым умом и весёлым покладистым характером, но, окончив школу, в селе оставаться не захотела, уехала в город и поступила в институт. Через пару лет, по примеру сестры, в институт поступил и её сводный брат. Впрочем, ни он, ни Таня не догадывались о том, что они не родные. Баба Зина никому не говорила об этом. Муж погиб в сорок пятом, а соседи, никогда не видевшие мужа Зинаиды, думали, что Танечка – в него. А что рыжая такая – так мало ли на свете рыжих!

В институте на последнем курсе Таня вышла замуж за такого же рыжего однокурсника, а вскоре на свет появился Эдик, тоже рыжий, как и родители. Вся история нелёгкой жизни бабы Зины пронеслась перед её глазами, когда поглядела она из окна на модно одетого внука. «Ну и хорошо! Ну и слава Богу!».

Мальчики остались одни. Они не виделись год. За это время они заметно изменились, выросли и в первое мгновение внимательно и серьёзно рассматривали друг друга. Были они ровесниками. Но Федька, родившийся в октябре, окончил четыре класса, а Эдик, родившийся в июле, отучился в школе уже пять лет. Из-за этого, а также из-за ложного чувства превосходства городского жителя над деревней, Эдик с первой же минуты готов был повести себя как безусловный лидер. Федька, однако, тоже был мальчиком с характером, которым так просто не покомандуешь. К тому же он был местным и знал множество деревенских хитростей, на которых можно было подловить городского Эдика и посмеяться над ним. Эдик это тоже знал и вёл себя с Федькой осторожно.

– Фью-ю-ю! Классные штаны! – Федька присвистнул от удивления, разглядывая Эдика.

– Техасы! – гордо объявил Эдик и добавил: – Отец достал!

На нём действительно были настоящие джинсы с накладными задними карманами и заклёпками. Ещё на нём была новая клетчатая рубашка; обут он был в чёрные, почти не ношенные кеды. Это произвело на Федьку сильное впечатление. Сам Федька был одет куда как проще. Стоптаные сандалии на босу ногу, штаны неопределённого покроя, выцветшая рубашка... Но ещё большее впечатление произвёл на Федьку нож. Он был привязан плетёным шнурочком к петельке на джинсах, и его, как бы случайно, Эдик достал из кармана.

– Дай посмотреть! – не сдержался Федька.

– На! – Эдик с деланным равнодушием протянул нож. Это была Федькина мечта.

Складной, с голубыми пластмассовыми накладками и широким острым лезвием, он удобно ложился в руку и стоил в магазине два с половиной рубля. Целое состояние. Федька попробовал пальцем остроту лезвия и, возвращая нож, равнодушно соврал:

– У отца такой же.

Уговорить Эдика помочь с мусором не составило Федьке большого труда. За сараем они нагрузили полную тележку битого кирпича, старых досок, ржавых труб, оставшихся после ремонта бани, водрузили сверху старый прогнивший эмалированный таз и, как две маленькие лошадки, не торопясь потянули это через проулок к краю Лукерьиного оврага. Почему овраг назывался Лукерьян, Федька по дороге, густо привирая и сочиняя на ходу, рассказывал Эдику.

По его версии, когда-то на другом конце оврага жила древняя старуха – Лукерья. Она, не будучи колхозницей, колдовала, пила кровь, вызывала с того света покойников, заговаривала раны, снимала и наводила порчу, сглаз, предсказывала и изменяла будущее, прошлое и настоящее. Федька клялся, что, будучи маленьким, сам видел эту старуху – как она, сгорбленная и страшная, рвала какую-то траву на дне оврага и даже пригрозила ему клюкой, когда он смело запустил в неё пустой консервной банкой. Федька врал, а Эдик ржал на весь проулок. Подойдя к оврагу, мальчики опрокинули тележку вниз и уселись отдохнуть на ствол поваленной ветлы. По покрасневшемуся лицу Эдика побежали струйки пота.

– Пойдём искупаемся на Волгу, – предложил он.

– Не-е! Вода уже холодная. Август. Бабушка говорит, что олень рога в воде намочил...

– Сам ты олень! – засмеялся Эдик.

Какое-то время сидели молча. Федька думал про нож, что нужно обязательно накопить и купить такой же, а Эдик смотрел по сторонам. Овраг по краям зарос кустами сирени, она-то и привлекла его внимание. Он встал, подошёл к кустам и стал что-то высматривать, затем достал нож и, отрезав крупную ветку, вновь уселся на ствол дерева.

– Что будешь делать? Мух отгонять? – спросил Федька, кивнув на ветку.

– Ну ты точно олень! – Эдик презрительно взглянул на товарища.

– Ещё раз оленем обзовёшь, в лоб получишь! – обиделся Федька.

– Ладно! Смотри! Видишь, какая ровная рогулька на ветке?

Только у сирени так бывает.

– Ну и что?

– А то, что для рогатки лучше дерева нет! У тебя есть рогатка?

– Потерял недавно! – соврал Федька.

– Вот! Иди, найди такую же ветку. Мы сейчас по рогатке сделаем и в войнушку поиграем!

Идея Федьке понравилась. У него была рогатка. У какого одиннадцатилетнего мальчишки нет рогатки? Но бабушка нашла недавно и, сказав: «Глаза повышибаете, стрелки!», – сломала и в печку

бросила. А рогулька из сирени и впрямь была очень хороша: ровная, симметричная и размер что надо! Точно по карману.

Загоревшись идеей, поспешили домой. Сделать рогатку несложно. Для этого нужно от старой велосипедной камеры отрезать две ровные полоски резины, с помощью проволоки закрепить на рогульке, а к другим концам прикрепить широкий кусочек кожи – кожан. Через час Федька с Эдиком были обладателями двух отличных новеньких рогаток.

– Пойдём в овраг по банкам стрелять, – предложил Федька.

– Нет! – сказал Эдик, старательно набивая карманы джинсов камешками; инициатива была в его руках, и он не хотел её упускать.

– По банкам пусть деревенские девчонки стреляют! А мы пойдём... – он на секунду задумался...

– А мы пойдём бить жидов!

– Кого? – переспросил Федька, услышав незнакомое слово.

– Жидов пархатых! – повторил Эдик.

– А-а-а... – ответил Федька, так и не поняв, о чём идёт речь, и боясь быть уличённым в деревенской своей дремучести.

– А они у нас есть? Что-то я их давно не видел... – Федька решил наводящими вопросами выяснить, кто же это такие.

– Жиды везде есть! Я вот с утра только их и вижу!

– Что? Прямо везде-везде есть? И в городе тоже?

– Да в городе от них вообще прохода нет! Утром в школу идёшь – жиды кругом, в магазин идёшь – жиды, во двор поиграть выйдешь – жиды. Достали уже! – Эдик сплюнул.

– На море предки возили, – так и там, веришь-нет, всюду жиды.

Федька осторожно огляделся, ища взглядом жидов, которые, по мнению Эдика, были везде, но не увидел ничего необычного. Солнце двигалось к обеду, по небу плыли облака, куры купались в пыли, на ветках чирикали воробьи, прошла женщина, гремя пустыми вёдрами.

– Мы их с пацанами после школы, знаешь, как лупим! – продолжал Эдик, – только пыль летит! И не камешками, а шариками от подшипников, а у вас в деревне и подшипников-то нет наверно! – На лице у Эдика обозначилось презрение.

– Да есть подшипники! Можно у отца спросить, он принесёт. – Федька всё ещё не понимал, о чём говорит Эдик.

– Ну что, идём? – Эдик поправил отяжелевшие джинсы.

– А может прямо здесь начнём, раз они везде есть? – лукаво предложил Федька. Эдик уже было открыл рот, чтобы в очередной раз обзвать Федьку оленем, но вовремя вспомнил, что Федька обычно держит слово, и, поглаживая лоб, с жаром заговорил:

– Ты что! Это же охота! На улице по жидам стрелять нельзя – вдруг в человека попадёшь, в стекло... У нас весной во дворе Пашка

Соломин за жидёнком гонялся и в стекло на первом этаже попал, а там гастроном с другой стороны, сигнализация сработала, а Пашку на учёт в детскую комнату милиции поставили. Нет, здесь нельзя!

– А где же у нас на жидов охотиться? – не унимался Федька.

– А там, где свинарник у вас. Я с прошлого лета помню. Там людей нет никого, а жидов – тьма-тьмушая. Ну, пошли!

Ботанический сад.
Бумага, акварель, 21X29 см.

И мальчики весело зашагали по улице. Они не спешили. Впереди был ещё целый день, и он обещал быть нескучным. Они поднимали ногами дорожную пыль, смеялись, рассказывая смешные школьные истории, матерились по-взрослому, срывали и ели поспевшую черёмуху. Эдик смеялся над Федькиными штанами, которые под тяжестью камней сползали вниз, обнажая белую полоску Федькиной задницы. Федька подтягивал штаны, норовя толкнуть Эдика так, чтобы тот вляпался новыми своими кедами прямо в свежие коровьи лепёшки. И это Федьке удалось. Эдик размахивал рогаткой и шутя целился в Фёдора, на что Федька вполне серьёзно замечал, что в людей целиться нельзя даже в шутку.

– А в жидов можно! – орал одуревший от деревенской свободы Эдик.

Наконец вышли за село, свернули с дороги и по едва заметной тропинке через кусты вышли к совхозному свинарнику. На огромном пустыре стояло обветшалое здание. Мрачное, с прохудившейся крышей и выбитыми окнами, оно ещё хранило, как пятна проказы, следы побелки. Вокруг свинарника возвышались заросшие полынью кучи невесть чего, остатки ограждения и гнилые деревянные колоды. На

разруху уверенно наступала бузина, красные ягоды которой тонко гармонировали с чудом сохранившимся куском кумача и проступавшей на нём надписью «Выполним и перевыполним решения 24-го съезда КПСС!». Под кумачом валялась сорванная дверь, и чернел провал входа.

Свинарник был уже третий год как брошен, и с тех пор единственными его обитателями стали голуби и воробьи. В количестве невероятном они заселяли его и беспрепятственно плодились, словно спешили выполнить и перевыполнить решения неведомого им съезда.

– Ну, где тут твои жидаы? – громко спросил Фёдка, остановившись на тропинке.

– Тихо ты! – Эдик слегка пригнулся, доставая из кармана камешек. – Вон их сколько пархатых! Я тебе говорил, их тут тьма-тьмуца!

– Так тут же воробьи одни! – не понимал Фёдка.

– А я тебе про кого говорю? Воробьи – они и есть жидаы. Для вас, деревенских, – воробьи, а в городе их жидами зовут.

– А пархатые почему? – Фёдка дивился новому слову.

– Похоже, как сохатые!

– Сам ты сохатый! – не удержался Эдик и тут же прикусил язык.

– Я пошутил! Вон, смотри, почему пархатые! – и он не целясь выпустил из рогатки камень прямо в стаю воробьёв, прыгавших возле входа. Вся стая с шумом вспорхнула и разлетелась по кустам.

– Видишь, как порхают, потому и пархатые! Понял? – шёпотом объяснял Эдик. – Вредная птица! Жуков и гусениц не жрёт, а по помойкам шарится. Заразу разносит. В городе житья от них нет. У нас в доме дворник Сидор был – такая сволочь, дурак и алкаш – и тот, когда мы жидов из рогаток били, нас не гонял, а, наоборот, сам говорил, что изводить жидовское племя надо. Я по телеку передачу видел про них: они в Китае весь рис поклевали, так китайцы, веришь-нет, им войну объявили. Всему населению рогатки раздали и выбили всех. А какие они хитрые и живучие, сам сейчас увидишь.

Фёдор с уважением выслушал Эдика и добавил:

– И у нас всю вишню поклевали!

Вспугнутые Эдиком воробьи подняли страшный гомон. Свинарник и окрестные кусты наполнились чириканьем. Взволнованные птицы вылетали из чёрных провалов окон и рассаживались по кустам, другие же, наоборот, залетали внутрь. Эдик присел на одно колено и прицелился:

– Я буду индеец Зоркий Сокол, а ты будешь Быстрый Олень! А там наши бледнолицые враги – жидаы пархатые! – И выстрелил, но не попал.

– За оленя потом ответишь! – пробормотал Фёдор и тоже

выстрелил, и тоже не попал. – Ишь, какая вёрткая жидовня! Хрен попадёшь! – цокнул не языком. – Ну, погодите! Щас я вам покажу вишнёвое варенье!

Началась охота. Мальчики стреляли прицельно и просто на удачу. Они подкрадывались к воробьиным стаям и обходили их с боков.

Наконец, Эдик заорал:

– Есть! Жидяра! Огромный! У-лю-лю! – Он захлопал ладошкой по своему рту, изображая крик индейца, и подбежал к птице. Воробей был ещё жив, камень сломал ему крыло. Он был действительно большой и, вероятно, старый, и потому не такой ловкий. Мальчик поднял птицу за подбитое крыло; лицо его сияло. Подбежал Фёдор. Эдик поднёс умирающую птицу прямо к его глазам и снова произнёс:

– Жидяра! Огромный! «Жидяра» открывал клюв и смотрел на Фёдора чёрными, такими знакомыми бусинами глаз. Фёдору казалось, что где-то совсем недавно он их уже видел.

– Смерть фашистским оккупантам! – Эдик бросил птицу на землю и добил выстрелом в упор.

Дальше всё складывалось удачно. Выстрелы стали увереннее и точнее. Вот и Фёдор завалил жида, как он сам выразился, а Эдик ещё двух. Пришёл опьяняющий, отключающий разум азарт охоты. Мальчики прыгали в траве и по кустам, крались вдоль стен, били влёт и навскидку. Они давно уже вывозились в грязи, крови и перьях и стали похожи на чертей. Убитых птиц складывали около входа, прямо под кумачовым транспарантом о 24-м съезде. Раненых добивали. Гора мёртвых воробьёв росла, а солнце опускалось к горизонту. Разгорячённый Фёдор предложил мочить так же и голубей, на что Эдик мудро изрёк:

– Голубь – птица мира! Кто тронет птицу мира, тот агрессор! А жид – птица зла!

На том и порешили.

Наконец усталость взяла своё. Сели возле входа и уставились на кучу мёртвых птиц.

– А вёрткие какие! – произнёс Фёдор, зевая.

– И хитрые! – добавил Эдик. – Жидов бить, это не коров доить! Это целое искусство!

– Чего делать с ними? – Фёдор кивнул на кучу, – здесь бросим?

– Ага! Сейчас! Славная была охота! Полдня носились, как угорелые, и всё бросить? Не-е-е! Мы вот что сделаем!

Эдик на секунду задумался:

– Мы жидов на опарыши пустим!

Фёдор встрепенулся:

– На опарыша чехонь знаешь, как клюёт?! Как бешеная!

– А то! Я тебе про то же и говорю! Я тут старое ведро видел!

Нашли ржавое худое ведро, даже два. Добычу разделили пополам, по-братски, и той же дорогой пошли домой. Было жарко. Грязный пот стекал по лицам, а «добыча» оттягивала руки. Остановились возле колодца. Отдохнули, напились воды и умылись. Около Федькиного дома Эдик вдруг спросил:

– Ты куда ведро поставишь?

– За сарай, оттуда вонять меньше будет! – простодушно ответил

Фёдор.

– И моё туда же можешь...? – Эдик замылся, – А то знаешь, я только приехал, во дворе ещё не осмотрелся. Найду место и потом заберу. Лады?

Фёдор подумал, что бы содрать с Эдика за это, но быстро ничего не придумал и ответил:

– Ладно! Только тащи сам!

– Федя, чего это вы с Эдькой за сарай протащили? – Бабушка лепила ватрушки и лишь мельком взглянула на вошедшего в дом Фёдора. – Ах! Господь с тобой! Ты откуда это такой грязный? Отряхнись за дверью и сандалии сними, я полы помыла!

Федька вышел, за дверью постучал себя руками по штанам и по рубахе, сбросил сандалии, босиком прошёл в кухню и уселся за стол, стоящий в углу под иконой и лампадкой, вдохнул вкусный запах и сказал:

– Жрать хочется!

Бабушка внимательно взглянула на мальчика. Фёдор был единственным пока внуком и как две капли воды походил на младшего бабушкиного брата Шурку, чья единственная фотография висела в углу рядом с иконой. Любимый бабушкин брат Шурка в самом начале войны ушёл в ополчение и пропал без вести под Москвой. С тех пор бабушка всё пыталась отыскать следы брата, но... На письма и запросы приходили стандартные бездушные ответы: «...не найден», «...сведения отсутствуют...», «... в списках не числится». Глядя в телевизор на открытие очередного гигантского монумента погибшим воинам, бабушка плакала: «Лучше бы Шурку моего нашли!». Вот и сейчас, взглянув на внука, увидела на его месте своего Шурку, так же сидящего на этой же кухне за тем же столом и так же ждущего ватрушек со словами: «Есть хочется!», только тридцать лет назад.

Бабушка отвернулась к печке и промокнула глаза передником.

– За мусор спасибо, Федя, и Эдику передай! А чего грязный-то такой? – ещё раз спросила бабушка.

– Жидов били! – важно ответил Фёдор.

– Что? Кого? – не поняла бабушка.

– Жидов пархатых били! – громче повторил Фёдор.

Бабушка вздрогнула, как от удара тока, повернулась к внуку и осела на лавку.

– Каких жидов? – Глаза её расширились, руки опустились, а голос прозвучал так, словно в горле у неё застрял ком.

Фёдор вдруг понял, что что-то произошло.

– Пархатых... – с нарастающим страхом протянул он, вглядываясь в бледнеющее бабушкино лицо.

На несколько секунд время остановилось. Затем бабушка, влекомая страшной догадкой, бросилась к двери. Фёдка увидел в окно, как бабушка торопливо прошла, почти пробежала через двор за сарай и, сгибаясь, вытащила оттуда два ведра. Задышавшись, внесла их в дом, поставила на чистый пол.

Платок у неё сбился на бок, но она, не замечая этого, стояла посреди кухни и, тяжело дыша, глядела то на ведра, то на съевшегося в углу под иконой Фёдора. Время ещё раз замерло. Внезапно всхлипнув и тихонько завыв, бабушка сорвала со стены мокрое, испачканное мукой полотенце и через стол стала бить Фёдку куда попало. От внезапной боли и от обиды, а больше от полного непонимания Фёдор заорал:

– Бабушка, я хотел их в вишнях за лапы подвесить, чтобы остальные боялись... жиды, они же вредные... Вишню поклевали... Ты же сама... Я больше не буду жидов убивать...

Полотенце глухо шлёпало по Фёдкиному телу и по рукам, которыми он закрывал голову.

– Кто? Кто тебя научил этому, паршивец? – всхлипывая, кричала бабушка.

– Эди-и-к! – гудел сквозь слёзы Фёдор.

Чёрный лик Бога, подсвеченный колеблющимся светом лампадки, со скорбным одобрением переглядывался с весёлым Шуркой, чья фотография висела рядом. Оба с любопытством поглядывали вниз, пока от взмахов полотенца лампадка не погасла, и угол не погрузился во тьму.

Наконец Фёдор, закрываясь от полотенца, сполз под стол. Бабушка не стала доставать внука оттуда. Она опустилась на лавку, закрыла лицо руками.

– Паршивец! Отцу расскажу! – плакала она.

– Не говори-и-и! – подвывал из-под стола Фёдор.

В сенях послышались шаги, в дверь стукнули, и показалась голова соседки бабы Зины.

– А я слышу, вроде как драка какая! – Баба Зина огляделась и шагнула внутрь.

– Что это с тобой, Семёновна? – не замечая под столом Фёдку, спросила женщина. – Али стряслось что?

– Вон посмотри, Зинаида, что наши внуки навоевали! – взглядом показала на вёдра Семёновна. Баба Зина заглянула в вёдра и, охнув, отпрянула.

– Грех-то какой! – крестясь, сказала она. – А пошто птицы столько набили? – и вдруг, словно опомнившись, всплеснула руками: – Что, и Эдик мой...?

Вытащили из-под стола Фёдора и устроили допрос. Услышав про жидов, баба Зина осела на скамью.

– За что, Господи?! Откуда, Господи?! – раскачиваясь, запричитала она, прикрыв морщинистой ладонью рот. – Ну, будет ему сейчас баня! – Баба Зина вдруг резко поднялась. – Ты, Семёновна, Фёдора пока не выпускай, а я Эдика приведу! – и быстро вышла. Через минуту из соседнего дома раздался вой. Вой стал приближаться, пока баба Зина не втокнула в кухню орущего Эдика; в руке у бабы Зины был прут, которым она время от времени охаживала внука по заднице.

– Твоя работа? Твоя? – приговаривала она, указывая на вёдра.

– Зинаида, поди сюда, скажу что! – Семёновна с бабой Зиной вышли в сени. Мальчики остались одни. Они с ненавистью посмотрели друг на друга и отвернулись.

– Стукач! – сквозь слёзы произнёс Эдик.

– Дебил! – успокоил его Фёдор.

Вёдра с убитыми птицами поставили на ту же тележку, в которой утром отвозили мусор в овраг, и под присмотром бабушек повезли туда же. Мальчики, сопя, тянули повозку, женщины шли сзади. Все молчали. Скорбная процессия остановилась на краю оврага возле кустов сирени. На земле всё ещё лежали обрезанные Эдиком зелёные ветки с увядшими листьями. Под крайним кустом выкопали яму.

Мальчики хотели быстро закопать птиц вместе с вёдрами, но баба Зина настояла, и мальчики нехотя стали доставать каждую птицу руками и укладывать в яму. Руки мальчиков опять испачкались перьями и кровью. Было противно брать холодные птичьи тельца в руки. И вообще было плохо. Фёдор старался не смотреть на птиц; особенно неприятно ему было видеть чёрные потускневшие бусинки птичьих глаз.

Поднялся холодный ветер, принесший несколько пожелтевших листьев. Солнце садилось в тёмную тучу, висевшую над невидимой Волгой. «Воробьиный яр» засыпали.

Поздно вечером, лёжа в кровати, Фёдор сквозь щель в занавеске видел, как бабушка зажгла лампадку под иконой, поправила фотографию Шурки и, тяжело опустившись на колени, стала молиться, что случилось нечасто. Слова молитвы плохо слышал Фёдор, старушка молилась тихо. Он слышал только, как она просила и объясняла что-то, словно Бог сам не мог чего-то понять. Фёдор видел и самого Бога.

Подсвеченный лампадкой, Бог строго смотрел на Фёдора сквозь неплотно задёрнутую занавеску и внимательно вслушивался в бабушкину молитву, в которой слышно было Фёдору что-то о птицах, которые ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы.